

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**СЛЕД
НА МОКРОМ
АСФАЛЬТЕ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник Алексей Дурасов

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 След на мокром асфальте / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман).

ISBN 978-5-04-210311-7

Возвращаясь с работы, инженер-конструктор Игорь Пантелеевич Пожарский попадает под машину. Прямо на глазах сына Кольки. Автомобиль «Победа» на огромной скорости скрылся с места происшествия, но парень успел заметить, что за рулем сидела женщина. У отца был портфель, который странным образом исчез, как только на помощь подоспели случайные свидетели. Они же в один голос стали утверждать, что это была не «Победа», а «эмка», управлял которой мужчина в военной форме. Откуда такая нестыковка? А вдруг это ДТП не случайное... Вместе со своими друзьями Колька решает провести собственное расследование и выяснить, кто и зачем покушался на его отца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210311-7

© Шарапов В., 2024
© Оформление ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Открытие новой дороги через весь район, о необходимости которой столько лет говорилось всеми, праздновали досрочно. Речь председателя райкома то и дело прерывалась аплодисментами, ликующими возгласами и метанием чепчиков в воздух.

— Темпы строительства автомобильных дорог, товарищи, еще слишком медленны! Они резко отстают от темпа наращивания парка автомобилей в стране. А ведь дорога, товарищи, — это не просто приспособление для передвижения туда-сюда, — втолковывал, надсаживаясь, оратор, — это путь в светлое будущее, к новым горизонтам. Новое, так сказать, обновление нашего с вами, товарищи, нового быта. Поскольку теперь мы сможем куда быстрее, по-новому, добираться до своих рабочих мест, чтобы трудиться с новыми, сохраненными силами...

Лейтенант Акимов, неся службу по охране порядка, хлопал ушами. Капитан Сорокин, приглашенный в качестве почетного гостя, сохранял на лице выражение строгое, даже постное. Правда, физиономия его то и дело вытягивалась, как у старого тощего

монаха, тогда выражение становилось страдальческим. Борьба с зевотой в зрелом возрасте — дело непростое и трудозатратное. Лишь сержант Иван Саныч Остапчук совершенно не заботился о том, как он выглядит со стороны. И преступно не делал ничего, чтобы изгнать с физиономии кислую мину.

По счастью, никто этого не замечал. Все взоры были устремлены в то самое новое неведомое будущее, о котором рассказывал товарищ с трибуны. Да и вообще событие обставлено невероятно торжественно: октябрята и пионеры стараниями Оли все были в белых рубашках, с аккуратными галстуками, зажимы сверкают — аж глаза режет. Добровольный оркестр, составленный директором школы из подручных талантов и не успевших отвертеться от мероприятия взрослых, сияя начищенными инструментами, грянул туш — бодро и на удивление чисто.

Недаром трудился Петр Николаевич, натаскивая свою медную дивизию! Ровно выводил свою партию на трубе Витька Маслов — и когда только успел насобачиться? Пионеры, наиболее заслуживающие доверия, под зорким оком Саньки Приходько, который умудрялся и бдить за ними, и орудовать сверкающими тарелками, держали наготове клетки с белыми голубями, ожидая сигнала. Колька, опекавший делегатов от ремесленного училища, нахальных первокурсников, уже успел выдать несколько подзатыльников анархистам. Они собрались в строю закурить, демонстрируя то ли взрослость, то ли независимость, а скорее — все вместе. И то, и другое,

и третье помастера Пожарский счел недопустимым и решительно пресек.

Андрюха Пельмень не без опаски смотрел, как на трибуну поднимаются один за другим почетные гости. О том, что нужна трибуна, стало известно буквально накануне. Изготавливать новую было некогда, а старая кафедра давно сгнила — на фабрике было принято не болтать, а давать план. Вера Владимировна лично скребла по сусекам, изыскивая материалы. В итоге вышли из ситуации так: сколотили конструкцию из обрезки и прочего бросового материала, наскоро, но как могли аккуратно обшили красно-кумачовым браком, на котором Анчутка — признанный каллиграф — начертал универсальный лозунг: «Даешь!»

Теперь за кафедру было беспокойно. Не было уверенности в том, что эта коробка, на коленке сколоченная, не рухнет, если кто-то из почетных товарищей неловко повернется за ней или заденет. Андрюха Пельмень неусыпно контролировал наклон трибуны, ведь уголков, которыми крепили ее к помосту, жмот-завхоз выдал в обрез. Но пока все шло хорошо.

Анчутка, который присматривал за трибуной с другой стороны, там, где выстроились делегаты от коллектива текстильной фабрики, подавал другу ободряющие сигналы: не дрейфь, мол.

Светке Приходько вот-вот читать с этой трибуны стихи о стройке. Надулась вся, красная, как помидор, но, уж конечно, не разревется, не откажется,

ведь она — лучший чтец-декламатор района, лауреат городского конкурса. Заберется на трибуну — и ничего не будет в этом мире для нее существовать, кроме произносимых строк:

...Сам обыватель вдруг угас,
Смиривши свой ехидный шепот,
И изумленно-зоркий глаз
На нас наводят из Европы...

Идут года, яснее даль...
На месте старой груды пепла
Встает кирпич, бетон и сталь.
Живая мощь страны окрепла!

Славно читает Светка! Аж сердце сжимается и ком встает в горле. Даже вредный сержант Остапчук готов, кажется, пустить слезу по усу — вот что такое сила искусства! И вот наконец все ленточки перерезаны, речи сказаны. Ребята по сигналу выпустили наконец из клеток белых орловцев, которые, не будь дураками, помчались напрямиком на голубятню, наверняка ругаясь по-птичьи.

Все прокричали «ура!». Было объявлено, что официальная часть окончена, то есть дети — по домам, а взрослых просим к столу. Возражений не было, никто не воздержался. Когда плацдарм очистился от малолетних, немедленно были накрыты столы тут же, на обочине новой дороги, на свежей травке.

Вера Владимировна, которой пришлось и этот сектор брать на себя, заметно волновалась. Накануне мероприятия она задержала бывшего метрдотеля «Астории», ныне заведующего фабричной столовой:

— Очень прошу вас, не подведите, Олег Емельянович. Понимаю, что времени мало, но гости из горкома, райкома, ударники, корреспонденты. Лично вас прошу: не подкачайте, надо сделать поприличнее! Вы же можете?

— Конечно, не беспокойтесь, сервируем в лучшем виде, — невозмутимо отзывался старик, и он не хвастался, потому что на самом деле мог отлично сервировать.

Старый метрдотель терпеливо выслушивал самые невероятные завиральные идеи руководства, более того, соглашался с ними. Единственное, из-за чего развернулась настоящая битва — это из-за того, подавать спиртное или нет. Олег Емельянович стоял насмерть, хотя сам в связи с язвой ни капли алкоголя не принимал:

— Испокон веку принято построенное обмывать. Иначе беда.

Вера Владимировна чуть не плакала:

— Не выделено средств! Смету и так порезали, даже стульев не хватает.

— Стулья — что стулья! Сервируем а-ля фуршет.

— Ах, ничего я не знаю, — нервно отмахнулась директор и убежала туда, где немедленно надо было добавить организационной суеты.

Олег Емельянович виду не подал, но был возмущен и поступил по-своему. Так что в назначенный день и час на деревянных столах было невероятно красиво.

И когда он только успел все организовать?

Белые скатерти, цветы в вазочках, блестящая посуда, разнообразные закуски, подобранные так, чтобы можно было их употребить стоя и не опозориться. А на специальном, несколько поодаль установленном столике высокомерно сияла целая батарея разнообразных напитков: шампанское в блестящем ведерке, на льду, графины — высокие и пузатенькие, вино. Хочешь — пей, не хочешь — не пей, но порядок должен быть.

Сорокин, поднимая заздравный стакан с компотом, заметил:

— Батюшки, Емельяныч, настоящий посольский фуршет!

Тот величественно склонил голову и чокнулся с капитаном минералкой.

— Может, винца, Иван Саныч? — предложил Акимов.

Остапчук, изучая столик, хищно шевелил усами и тянул носом:

— Ишь ты, целая хванчкара. Ну, это для девчат и тех, кто почище. — И взялся за графин с водкой.

Выпили, закусили. Обстановка была самая праздничная, располагавшая к благодушию. Однако Остапчук, с самого начала не одобрявший все эти дорожные новшества, все время ворчал и делал самые черные пророчества.

— Пир во время чумы.

Акимов поинтересовался:

— Сейчас ты чем недоволен, Ваня? Дорога ровная, как зеркало, того и гляди, автобусы пустят, а там и до трамваев недалеко. И вообще...

— Вот именно! Вообще! Вообще! У тебя все вообще, и автобусы-трамваи, а я-то знаю, к чему все это приведет.

— Прямая дорога плохой быть не может, — деликатно заметил Сорокин.

— Бывает!

— Любопытно послушать примеры.

Остапчук принял вызов:

— Никаких плюсов в этой глупой идее. Сплошные минусы и безобразия. Перво-наперво, шум, гам и грязь. Поливалки до нас и так не доезжают, и тут не доедут.

— В коммунальном управлении заверили: будет телега с лошадьё и цистерной ездить, — парировал капитан.

— А шум? Народ не заснет теперь.

— Спать захотят — справятся, — встрял Сергей Акимов.

— Дышать нечем будет! — не сдавался сержант.

Сорокин успокоил:

— Машин нет столько в районе. А что дышать нечем, то как раз населению будет причина не сидеть у подъездов, семечки лузгать, а пойти в леса и рощи. Дышать воздухом. Гулять.

— Ах, гулять, — ехидничал Остапчук, — гулять! Знаем мы эти гуляния! Сплошные пьянки и мордо-

бой, а потом еще пойдут шататься по новой дороге — и обязательно попадут под машину.

— С чего это? — подначивал Сергей. — Водитель будет трезвым, обедеет.

— Во-во! Водитель будет трезвым! У нас в районе автомобили только у дачников, так? Супруга твоя демократично ногами на службу ходит, мы тоже...

— Без намеков, — предупредил Сорокин, — есть велосипед, на нем и перемещайся, по нашему району и этого хватит.

— Так я про то и толкую. Тут на машинах ездят только дачники с Летчика-испытателя, а они...

Капитан прищурил глаз: и что, мол? Сержант смутился, но со своей линии не сошел:

— Я не к тому, что они все нарушители, но гоняют же! Причем именно выпимши. Они и без дороги, вспомните, по чисту полю носятся! А тут будет целая дорога, да еще проездная.

— И что же?

— А то, что, если что и натворил, шась за угол, или через переезд в область, и нет тебя, ищи ветра в поле. Вот помяните мое слово: начнут давить кур, кошек, собак, а там и до людей дело дойдет. А все потому, что трудящиеся, по вашим же словам, непременно отправятся по новой дороге гулять...

— Хорошего ты мнения о согражданах-автолюбителях, — заметил Сорокин, — по-твоему, как сел за руль, так и готовый преступник и убийца.

Остапчук не уступал:

— Именно так и есть. Опыт, товарищ капитан, упрямая вещь! Вот-вот, сами смотрите.

Проследив за его обличающим перстом, коллеги и сослуживцы не увидели никаких преступников. Просто группа ответственных товарищей — горкомовские, райкомовские, общественность и прикннувшие к ним дачники, летчики из одноименного поселка, — чинно и благородно осуществляли дружеское, весьма приличное винопитие.

Один из них, судя по выправке, офицер, имени которого Акимов не знал, как раз чокался с товарищем Акимовой, бывшей Гладковой. Она, хотя сама благосклонно приняла предложенный тост, подняв бровь, предостерегающе глянула на мужа. Он сделал вид, что ничего не замечает. Сорокин же подбодрил с интересом:

— И что же?

— То, что они винишко сейчас докупают, а потом погрузятся в машины, вместо того чтобы ногами по дачкам разойтись. Вон кареты наготове стоят. И все, обращаю внимание, «Победы», ни одной старой нет. Тут до дома рукой подать, а они закусят и за рули полезут.

— Может, жены развезут, — предположил Акимов.

— Вот-вот, жены! — Видно было, что сержант был не прочь ткнуть пальцем и в дам, но сдержался, как воспитанный человек. — Именно жены, иными словами — бабы.

— И что же снова не так? — поддразнил Сорокин.

— Так они с ними наряду бражничают! К тому ж баба за рулем — еще хуже...

Иван Саныч хотел было развить мысль, но в это время из обсуждаемой группы донесся ужасный звук — всхлипывающий, загробный смех. Возможно, что, по мнению особы, его издававшей, он звучал мило, но у окружающих от этого манерного рыдания мороз шел по коже и чесалось по всему телу. Иван Саныч, уж на что человек ко всему привычный, и тот затих, морщась.

Издавала ужасающие звуки весьма интересная особа, брюнетка. Тонкие шейка, талия, лодыжки, а что между ними располагается — очень даже полное. Расфуфырена, как оранжерейный цветок, вырез на светлом платье низкий, подол едва колени закрывает. Шляпка на ней с вуалькой — только для вида, не скрывает ни глаз — вытаращенных, широко расставленных и довольно-таки густо подведенных, ни подкрашенного рта с ехидной верхней губой, ни носа — длинного, с опущенным кончиком и вздернутыми ноздрями, точно его обладательница к чему-то принюхивается. Серьезно носик подкачал. К тому же на нем красовались очки, да не такие, как у большинства нормальных граждан, страдающих слабостью зрения, а прямо окуляры, дымчатые, да еще с крыльями на верхних углах. Очки придавали ей не солидный, а курьезный вид — то ли мудрая змея, то ли круглая дурочка. В пользу последнего свидетельствовало то, что эта дамочка терлась исключительно около мужчин, лезла и вмешивалась в их разговоры.

— Забавная фигура, — заметил Акимов, — чья-то дочурка?

Всезнающий Остапчук просветил:

— Ага, бери выше. Это, Серега, законная супруга вон этого товарища, Тихонова, который Верке подливает, справа.

— Тихонов, Тихонов, — повторил лейтенант, припоминая, — Евгений?

— Петрович. Что, встречались?

— Слышал о нем. Я не знал, что он...

— Освобожден, ты хотел сказать? Да, досрочно.

Акимов присмотрелся.

Тихонов, значит. Фамилия его была известна еще до войны. Летчик, комбриг, участвовал в испытаниях предсерийных штурмовиков Ил-2. Везде успевал: и избраться в депутаты, и работать испытателем и главным инспектором, и поруководить лётно-испытательной службой авиационной промышленности. Отправился на фронт, и на его счету было уже одиннадцать вылетов тогда, когда его отозвали. Он был нужен для работы над новыми штурмовиками. В декабре 1944 года Тихонов был осужден военным трибуналом за нарушение режима секретности и уволен из армии. Интересно, знает ли Вера, кто ей стаканчик подносит? Хотя дамочкам на это плевать.

Освобожден, значит. И, судя по тому, что живет тут, в поселке Летчик-испытатель, он восстановлен во всех правах. Теперь выясняется, что и женат, хотя не особо похож на счастливого супруга. Хотя он и на летчика не тянет — сутуловатый, худощавый, лицо

как у утомленного жизнью высоколобого профессора, глаза, точно у старой дворняги, умные, под набрякшими веками, и углы рта уже висят, как шнурки.

— Значит, из поселка товарищ? На какой даче он живет?

— Работать надо с населением, а не vareжкой торговать, — по-свойски нахамил Остапчук, — но, по правде говоря, и дачку ему недавно выделили.

— Который дом? — поинтересовался Сорокин.

— Угол Пилотной и Нестеровской, дом три. Дача, которая долго пустой стояла. Вот теперь эта заноза там и хозяйничает... — и, поколебавшись, твердо добавил: — Дура. А еще очки надела. Точь-в-точь как эта трибуна — прилично смотрится только потому, что вся разряженная, а внутри — дрянь всякая, наспех сколоченная.

— Да ты философ! Люди недавно здесь проживают, а ты уж так проник в суть вещей, — усмехнулся капитан.

Саньч насупился, но от своего не отступил:

— Непорядочная женщина. Муж с утра отбывает — замечу, на служебной машине, а она шаст в их личную «Победу» — и ну кататься по поселку, курей давить. Сама сова совой, конца клюва своего не видит. Небось и треснет для храбрости.

— Что же муж? — поинтересовался Акимов.

— Ты-то больно жене возражаешь?

— Я муж ответственного работника. А она — жена ответственного работника, к тому же он и старше. Сделал бы внушение, ключи отобрал.

— Что ты! Такую сирену врубит — он только уши зажимает. Не то слово. Нашел себе на старости лет нарост на бок.

Сорокин заметил:

— Иван Саныч, не глубоковато ты влез в чужую семью? Все-таки личное дело, не твое.

— Вот как она по новой этой дороге носиться будет — станет и наше.

— Насолила она тебе, — посочувствовал Акимов, — и когда успела? Где вы с ней могли встретиться да поссориться?

— Где, где! Соображать надо. С молочницей полагается, почтальонше нагрубит, а они все ко мне, жаловаться. Сплетней нанесут сто бочек — потому-то и в курсе, что у них да как.

Сорокин напомнил:

— Между прочим, товарищ сержант, если б не было бытовых конфликтов, в том числе семейных, то на что мы с вами были бы нужны.

— И без них работы много, — пробормотал Остапчук, смекая, к чему дело идет. И не ошибся.

— Ваше дело, товарищ сержант, разбирать бытовые дразги и вести воспитательную работу среди населения. Вели?

— Нет! — открестился Саныч. — Проведи с такой! Она сей секунд двери на засов и вопит из-за забора: уходите немедленно, папе... тьфу, то есть, мужу пожалуюсь, прочь-прочь, страшный дядька!

Сергей, представив картинку, приснул.

— Говорю же — дура дурой, — уже куда мягче заметил Иван Саныч, — а вообще — пес с ними. Еще по одной?

Акимов, покосившись в сторону жены (она была занята беседой с Тихоновым, чья законная половина наседала на райкомовского деятеля) и соглашаясь, кивнул. Торжество продолжалось. Все-таки, если не принимать во внимание мрачные пророчества Саныча, событие хорошее, радостное. И хотя всем было известно, что многоопытный Остапчук никогда не ошибается, думать об этом совершенно не хотелось.

ГЛАВА 2

За прохладным, приятным утром последовал не менее замечательный весенний день, бодрый и не жаркий. Остапчук уехал на толкучку, сочтя, что пришла пора разгрести все ориентировки (конец месяца не за горами). Сорокин отправился в главк, в очередной раз пытаясь пробить или еще одну штатную единицу, или хотя бы мотоцикл.

Сергей остался за дежурного, одновременно отписывая свои материалы. Набралось их, как оказалось, немало, хотя дела копеечные, и со стороны не особо и важные. Нерадивый папаша, шабашивший на стороне, а алименты уплачивающий со скромной зарплаты слесаря, попытался скрыться, завербовавшись на восстановление Днепрогэса. Снова пошли сигналы о беспорядках в Доме культуры — что за люди, право слово, всегда найдут новые места для шабаша. Стоит разорить одно осиное гнездо, так немедленно оно образуется в другом месте.

От родителей летчика-героя Луганского поступило заявление. Вот, накаркал Саныч, по факту наезда на курей. И ладно бы обычные были, рябы, так

нет, какие-то вестфальские... тотлегеры! Барневельдеры. Чего только на геройских этих дачах не встретишь. Разведут барневельдеры да прочих трофейных кур, каждая — дороже коровы стоит, а просвистит мимо с ветерком жена соседа Тихонова — и нет курочки, не то двоих и более.

Вообще, Акимов после застолья по поводу дороги наведаясь в дачный поселок и, застав Тихонова на даче, попытался его уговорить как-то повлиять на супругу. Однако тотчас выяснилось, во-первых, кто в доме настоящий хозяин — не сказать диктатор, во-вторых, комбриг, депутат, летчик и прочая-прочая на земле оказался сущей размазней. Тихий, мягкий, в халате, вышел демократично покурить с гостем, безропотно выслушал претензии, но лишь руками развел:

— Сергей Палыч, голубчик, ну что же я могу сделать? И так у нас в семействе нелады. Признаться, со средствами стало туго, пришлось урезать расходы, отпустить домработницу, — Евгений Петрович улыбнулся, — вам не понять, у вас жена не просто самостоятельная... замечательная у вас Вера Владимировна.

«Забирайте», — чуть не сорвалось с языка. Разумеется, Сергей промолчал, лишь заметил, стараясь быть объективным:

— Все они замечательные до поры до времени. И все-таки, Евгений Петрович, так и до беды недалеко. Машина мощная, дорога новая. Запретили бы вы ей.